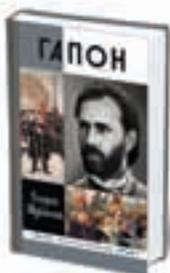

Время, когда такое возможно

БИОГРАФИЯ ГАПОНА, КОТОРУЮ НАПИСАЛ ВАЛЕРИЙ ШУБИНСКИЙ

Анна Наринская

ЧЕРЕЗ ПЯТЬ ДНЕЙ ПОСЛЕ КРОВАВОГО ВОСКРЕСЕНЬЯ — 14 ЯНВАРЯ 1905 ГОДА — СИНОД ВЫПУСТИЛ ЗАЯВЛЕНИЕ, В КОТОРОМ ГОВОРИТСЯ О ФИНАНСИРОВАНИИ БЕСПОРЯДКОВ ИЗ-ЗА РУБЕЖА И О «ПОДКУПАХ ВРАГОВ РОССИИ»

В СЕРЕДИНЕ февраля 1906 года в Гельсингфорс из Петербурга прибыл член партии эсеров Петр Рутенберг. Там у него была назначена встреча с руководителями партии — Евно Азефом и Борисом Савинковым. Главной темой обсуждения была судьба запрещенного в служении священника Георгия Гапона: организатора шествия рабочих к царю, закончившегося стрельбой стянутых к Зимнему войск и гибелью почти двухсот безоружных человек, которое получило название «Кровавое воскресенье». Вернувшийся из-за границы, куда он вынужден был уехать после этих событий, Гапон сам признался Рутенбергу, что вошел в сношение с полицией (а конкретно с вице-директором полицейского департамента Рачковским) и даже предлагал партии использовать эти контакты «для дела». В принципе, наличие у Гапона — личности невероятно популярной в народе, руководителя разветвленной организации профсоюзного типа «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Петербурга» — связей с полицией новостью не было. Не было оно и особой тайной (с приездом священника из-за границы начались даже газетные разоблачения — писали, например, такое: «Гапон разрушил общепринятую веру в чистоту побуждений русского революционера. Революционер не станет являться с охранным отделением, революционер не возьмет денег у агентов правительства»). Но именно на этот раз все сошло так, что чаша терпения эсеровских главарей оказалась переполненной. Савинкова в основном заботила пиар-составляющая дела: «В моих глазах Гапон был не обыкновенный предатель. Он предал всю массовую революцию. Он показал, что массы слепо шли за человеком, недостойным быть не только вождем, но и рядовым солдатом революции». Азеф же, согласно воспоминаниям Рутенберга, реагировал коротко: «покончить, как с гадиной». 28 марта Рутенберг пригласил Гапона на дачу в поселке Озерки под Петербургом — там была устроена засада. Согласно судебно-медицинскому заключению: «на трупе обнаружены следы жестокой борьбы». Здесь все настолько же ужасно человечески, насколько прекрасно литературно. Двойного агента приговаривает к смерти тот, чье имя впоследствии стало синонимом двойной

игры и предательства, — Азеф. Человек, сближение с которым стало причиной расправы, по части морали ни в чем не превосходит противников (вице-директор Рачковский отличался политической нечистоплотностью и, среди прочего, был причастен к созданию «Протоколов сионских мудрецов»). Убийцу связывают с жертвой долгие сложные, но доверительные отношения. «Коллизия Гапона-Рутенберга — шекспировская, — пишет Валерий Шубинский. — Оба ее героя вызывают поочередно разные чувства — от отвращения до сострадания. Оба они стали заложниками не только воли двух отъявленных злодеев (Азефа и Рачковского), но и трагического сцепления обстоятельств. И собственной человеческой слабости и суетности». В умении автора (не то чтобы неожиданным для поэта и литературного критика Шубинского, но от этого не менее ценным) увидеть, как сквозь невероятное нагромождение захватывающих событий и головокружительных судеб проступает сюжет — важное достоинство этой книжки. У нее вообще множество достоинств и лишь один недостаток: текст слишком ясно проявляет, что самому автору интересно, а что — нет. От одного яркого рассуждения и описания он перебирается к другому путем скороговорки, перечисления, цитаты, и даты нагромождаются так, как будто пишущий загибает пальцы, чтоб быть уверенным, что, да, сказал все необходимое, перед тем как перейти к по-настоящему увлекательному. И даже сам герой интересен писателю не полностью. Он разделяет «феномен Гапона» на две составляющие: «Гапоновская эпопея не только яркий эпизод российской истории, но и волнующий пример частной судьбы». Но частная судьба и вообще человеческая сторона личности его персонажа с очевидностью не особенно волнует автора. Скажем, показательное невнимание к любовной стороне жизни очень рано овдовевшего и часто обвиняемого современниками в исключительном каком-то сердцедастве священника — явно результат не то чтобы особого целомудрия его биографа, а нежелания тратить на это время. Вообще, из этой книги мы мало что можем понять о том, что за существо был Георгий Аполлонович Гапон — ну разве что узнаем, что он был талантлив, взбалмошен, самовлюблен

РИА НОВОСТИ

и истеричен. Зато — много (во всяком случае — больше, чем раньше) о времени, когда он стал возможен. И вообще о времени, когда такое возможно. То, как Россия живет сейчас, ну, или как жила до последнего времени, часто сравнивали с последним двадцатилетием XIX века, со временем Победоносцева (Гапон, кстати, встречался с обер-прокурором Святейшего синода, испрашивая у него разрешения поступать в духовную академию). Книга Шубинского действительно может служить еще одним источником таких параллелей. Гапона на ранней «профсоюзной» стадии его деятельности упрекали в том, что он «брал деньги от правительства и эти же деньги употреблял против него», а он оправдывался тем, что «эти деньги правительством взяты из народного кармана». Это очень похоже на наше сейчас. Через пять дней после Кровавого воскресенья — 14 января 1905 года — Синод выпустил заявление, в котором говорится о финансировании беспорядков из-за рубежа и о «подкупах врагов России». Это тоже очень похоже. Время Победоносцева, кстати, закончилось именно тогда, хоть «официально» оно еще длилось почти десять месяцев — до октября 1905-го. Эта ошибка, этот залп орудий по толпе 9 января, эта бессмысленная агрессия закончила медленное течение победоносцевского времени, и дальше — и это чувствуется в книге — оно пошло, поехало быстро, быстро, быстро, давая на своем пути кого попало. Может быть, это тоже похоже. В. Шубинский. Гапон. М.: Молодая гвардия, 2014